УДК 94(47).081

А. К. Гаврилов

Манифест 1861 г. в оценках Ф. И. Тютчева*

Если читатель приводимых ниже стихов, написанных Тютчевым по поводу императорского Манифеста от 19 февраля 1861 г.[1], выделит левый край четверостишия, он может обратить внимание на то, что первые литеры четырех строк катрена складываются в слово *ТВОИ*:

*Т*ы взял свой день...[2] Замеченный от века
*В*еликою Господней благодатью —
*О*н рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье меньшую братью...[3]

* Мне давно хотелось, обработав его, показать этот материал Валентине Григорьевне Чернухе, много занимавшейся историей крестьянской реформы 1861 г., но всё не удавалось закруглить работу — тем прискорбнее это опоздание.

[1] Стихотворения Ф. И. Тютчева цитируются, если не указано противное, по изданию Библиотеки поэта (подг. текста и прим. К. В. Пигарева, вступит. ст. Б. Я. Бухштаба. Л., 1957). Для текстологии и истории публикации много (ощутимо больше, чем для толкования произведений) дает недавнее и самое полное пока издание произведений поэта: *Тютчев Ф.И.* Полное собрание соч. и письма: в 6 т. М., 2002–2004; занимающий нас текст помещен в т. II, с. 108 (текст); с. 464–466 (ком.).

[2] В изданиях К. В. Пигарева — кроме названного выше, это относится к его двухтомнику в серии «Литературные памятники» (М., 1965. Т. 2. С. 149) — в 1-й строке после слова *день* и отточия причастие начинает новое предложение, почему и пишется с заглавной буквы; после *благодатью* во 2-й строке стоит тире; в конце четверостишия — снова отточие. Естественно, за редкими исключениями издания в основном повторяют друг друга. У некоторых издателей в 1-й строке после *день* поставлено не отточие, а восклицательный знак. Смысл этих различий в интерпункции станет, я надеюсь, понятнее в ходе моего рассуждения.

[3] Таков преобладающий облик четверостишия в изданиях Тютчева. Что касается названия четверостишия и датирующих помет, о них будет сказано в своем месте.

Поскольку раньше эта особенность четверостишия, сколько я знаю, не обсуждалась, стоит для начала задержаться на ней, тем более что акростихи (прием, известный с древности) бывают как подлинными, так и мнимыми. У древних греков и римлян прием введения в текст визуальных слов использовался то как чисто игровой, то, например, ради дополнительной гарантии авторства: известен акростих в начале и конце так называемой Латинской Илиады (Ilias Latina) с именем *Italic*(*u*)*s* в ст. 1–8 в начале поэмы и глаголом *scripsit* в ст. 1063–1071 в самом ее конце, что указывало, как признано с некоторых пор, на Бэбия Италика в качестве автора. Встречались акростихиды и в кладбищенских надписях, чтобы в стихотворной эпитафии обозначить имя умершего, когда оно — это бывает — не годилось в избранный автором стихотворный размер[4]; случалось, что автор заодно хотел показать свое мастерство: по краю каждого стиха заданы буквы, вместе дающие желанное имя, а текст все-таки сохраняет свое естественное течение. Любили этот прием и в христианской поэзии, особенно в византийское время. Эта черта, давно известная, а иногда обнаруживаемая заново филологами в отдельных текстах, воспринимается как нечто занимательное и уточняющее их историю[5]. Среди стихотворений Державина, который много значил для архаиста Тютчева, есть четверостишие «Родясь от пламени, на небо возвышаюсь...», где из четырех строк состоящая загадка содержала в форме акростиха разгадку *РОСА*; впрочем, стихотворение не было самим автором включено в собрание его стихов и приведено Я. К. Гротом лишь в примечаниях[6].

Наряду с несомненными, т. е. сознательно выстроенными, акростихами в истории литературы известны случаи, когда для читателя возникает некое *подобие* акростиха по милости случая. Так, в «Илиаде» первые буквы первых пяти стихов 24-й песни складываются в существующую словоформу от λευκός — другое дело, что указание на что-то «белое», к тому же выступающее почему-то в дательном падеже, не дает для восприятия текста ничего, что имело бы эстетически вразумительный смысл. Подобные псевдо-акростихиды вчитывали и в Державина, которому приписывали насмешливый акростих «мнит» (конечно, без ‘ера’ в конце слова) в горделивом державинском переложении горациева «Памятника» (Horat. *Carm.* III, 30). Еще удивительней нелепое (иных приводящее в восторг) квази-высказывание «Руина чти», вычитываемое любителями таких казусов из первых букв всех восьми стихов «Грифельной оды» — *novissimum carmen* поэта. Почитатель Державина не станет, конечно, принимать во внимание этот анекдотический мираж.

[4] Так, в одной из греческих эпитафий обширного сборника, изданного В. Пеком (Griechische Vers-Inschriften. Berlin, 1955. Bd. 1; N 280), с левого края по вертикали читается имя покойного в родительном падеже: Ἀριστοδήμου.

[5] Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, I (1893), Sp. 1200–1207, s. v. Akrostichis (E. Graf).

[6] Издатель следовал публикации в журнале *Друг Просвещения* (М., 1805. Ч. 4. № 10, октябрь. С. 24).

У Тютчева, несмотря на его «архаизм», ни одного акростиха (если отвлечься от разбираемого случая) не видно[7] и понятно, что для его природной лирики рассудочные литературные приемы, сопряженные с сочинением акростихов[8], вступали бы в разительное противоречие как раз с *естественностью* его музы. В стихах «на случай», каких немало у Тютчева и к которым относится разбираемое стихотворение, прием этот не в ходу, но он мыслим, так что надо взвесить вопрос тщательнее.

Начать стоит с самого простого соображения: нет ли графического выделения акростиха в списках стихотворения, выполненных самим поэтом или кем-нибудь, кто стоял к нему близко? Автограф тютчевского четверостишия сохранился и не дает сколько-нибудь заметного выделения начальных букв всех четырех строк[9]. Не дают выделения и ранние публикации этого стихотворения, начиная с прижизненной, подготовленной сыном поэта И. Ф. Тютчевым и зятем И. С. Аксаковым (М., 1868. С. 189). Это, однако, не решает вопроса о наличии акростиха в замысле поэта, так как можно было не выделять акростихиду графически, даже если она имелась в виду — тем приятнее мог стать сюрприз для адресата и других читателей.

Для оценки этого случая существенно, во-первых, то, что значащее слово, читаемое в предполагаемом акростихе, не только не содержит ничего причудливого, но напротив, весьма подходит к жанру (в нашем случае политического) мадригала. Во-вторых, обратим внимание на то, что объем акростихиды точно укладывается в границы стихотворения, между тем как отсутствие такого совпадения или некоего внятного соответствия часто изобличает случайность

[7] В сети среди материалов о творчестве Тютчева, иногда весьма ценных, есть и «Собрание первых букв стихов Ф. И. Тютчева», составленное, как там сказано, Андреем Беловым и Борисом Ореховым по изданию А. А. Николаева 1984 г. (http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/acro/html — «Тютчевиана. Сайт рабочей группы по изучению творчества Ф. И. Тютчева», 2006). По всей видимости, составители хотели показать возможности компьютерной техники и убедить себя и других в том, что первые буквы всех взятых подряд тютчевских стихотворений *не* несут каких-либо завуалированных сообщений. Поражает объем проделанной — пусть «машинально» — работы ради такого вывода; а что, если кто-нибудь пожелает складывать вторые или, скажем, последние буквы всех стихотворений? Или станет обследовать тексты наискосок? Каких-либо суждений о полученных данных разработчики не высказывают, кроме иронического как будто бы посвящения «любителям искать акростихи». Что составители думают о букворяде ТВОИ в интересующем нас четверостишии (№ 242), неизвестно, как и в случае «ЧТЯ ИКС», которое получено из первых шести стихов *Бессонницы* («Часов однообразный бой...») — а ведь для завзятых любителей акростихов это, пожалуй, находка.

[8] То же можно сказать о других игровых осложнениях текста, вроде так называемых алфавитных текстов, или абецедариев — знаменита обширная алфавитная акростихида в Библии, по 8 стихов на каждую из 22 букв древнееврейского алфавита, положенная в основу пространного *Псалма* 119 (в греческом переводе LXX и, соответственно, в русской Библии это псалом 118).

[9] Автограф из РГАЛИ. Ф. 505. Д. 36. Л. 3 (ксерокс этой и еще нескольких страниц архив прислал по моей просьбе в 1980 г.).

квази-акростихов. В-третьих, в празднично-кратком высказывании по значительному, прямо историческому случаю[10] не уместен ли такой прием, столь подходящий для сдержанного выражения лояльности со стороны убежденного, хоть и критичного монархиста, каким был поэт? Кратко описанное событие подается как общенациональный, чуть ли не вселенский праздник, уклоняясь от прямых изъявлений преданности Царю-Освободителю. Эти соображения, взятые вместе, убеждают в том, что перед нами с умом выстроенный автором акростих: добавочное и отнюдь небезразличное *слово для глаз* — совсем не лишний смысловой элемент целого, который словно сам собой проступает из сказанного. Что касается искусственности приема, неожиданной у мастера природной лирики, то таков уж был Тютчев, и неслучайно существует старая и кое в чем оправданная, хоть и спорная, традиция отделять его стихи на бытовые и в особенности на политические случаи от стихов лирических, как будто поэт боготворил одни лужайки и пригорки, а судьбы людей и государств считал жалкой суетой. Между тем в том и дело, что Тютчев как в одном, так и в другом усматривал единую мировую драму, даже если стихи об истории и о природе по поэтическому достоинству получались неравноценные[11].

Общественное восприятие реформы

Признав это, постараемся внимательнее рассмотреть смысл тютчевского мадригала Александру II в историческом контексте, чтобы увидеть как назначение, так и происхождение идей и мотивов, собранных в этих четырех строках, что позволит нам сознательно принять ряд текстологических и экзегетических решений. Кроме того, хотелось бы понять, насколько искренно выраженное в стихотворении чувство, и не преобладает ли в этой реплике Тютчева придворная предупредительность. Чтобы сделать это, необходимо уяснить себе последовательность событий, небезразличных для разбираемого текста, и привлечь — конечно, выборочно — характерные историко-публицистические осмысления, какие предлагались в газетах, журналах, проповедях и литературных репликах на ту же тему[12].

[10] Известный византинист сочинил по случаю той же крестьянской реформы греческие стихи античным размером: *Меншиков А.И.* Греческая эпиграмма, написанная пентаметром по случаю уничтожения крепостного права. М., 1861 (мне не удалось разыскать этот текст).

[11] Об этой двойственности, которую сам Тютчев не воспринимал как таковую, см.: *Гаврилов А.К.* Видение Тютчева: история жанрового переосмысления // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1989. С. 41–56. Издатели тютчевского сборника 1854 г. выделили из опубликованного в 1829 г. большого *Видения* заключительные три строфы, образовав из последних отдельное — политическое и прямо злободневное — стихотворение *Олегов щит*; Тютчев не возражал, считая, что последнюю корректуру всё равно держит забвение.

[12] В перспективе того, что необходимо для интерпретации высказывания Тютчева, всего важнее и удобнее для нас посвященная этой теме монография: *Зайончковский П.А.*

Тютчев был одним из тех, кого долго и мучительно рождавшаяся крестьянская реформа занимала в самых различных отношениях — как просвещенного поэта и гражданина, острого наблюдателя внешней и внутренней российской политики, идеологически чувствительного государственника и, наконец, как помещика[13]. Поэтому стоит посмотреть на движение этого дела с постоянным учетом календаря — тогда мы, может быть, лучше поймем, что он имел в виду в своем четверостишии Александру II после объявления крестьянской реформы[14].

Начнем со смерти Николая I (18 февраля 1855) — события, обстановка которого с ближайшего расстояния так отчетливо представлена, в частности, в *Записках* фрейлины А. Ф. Тютчевой, сообщающей множество бытовых и психологических подробностей[15]. Старшая дочь, вполне повторяющая остроумие и кристальное мышление отца, после романтических выражений скорби и любви к монарху и нескольких недель всенародного прощания с монаршими останками называет его «Дон-Кихотом самодержавия». Так же и отец после многих колебаний в оценке покойного императора (вроде перевода в 1829 г. стихов Людвига I Баварского «О Николай, *народов победитель*», передавая игру со значением греческого имени) кончил, как известно, словами: «Не Богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей...» (с. 202); не менее убийственно оценивается царствование Николая в письме Тютчева к жене от 17 сентября 1855 г., где Тютчев говорит «о чудовищной тупости этого злосчастного человека, который... находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и всё упустил»[16]. Удивительно, но такое случается.

Анна Федоровна оказалась — по ходатайству вел. кн. Марии Николаевны, хорошо относившейся к поэту, — фрейлиной сперва при малом дворе у цесаревны Марии Александровны. После того как имп. Николай, которому она была представлена тогда же, на глазах у всех долго беседовал с ней, у внимательных наблюдателей появилась формула «Ave, Tutchef» — шутка предвосхищала

Отмена крепостного права в России. М., 1968 (в особенности гл. 4 этой книги: Обнародование «Положений» 19 февраля и крестьянское движение весной 1861, с. 152–182).

[13] Эрнестина Федоровна Тютчева полюбила Овстуг и прикупала деревни с крестьянами на Брянщине (см. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 283); число крестьян в семье Ф. И. Тютчева с середины 1850-х составляло приблизительно 1100 душ (*Экштут С. А.* Тютчев. Тайный советник и камергер. М., 2011. С. 114). Ценно, что эта книжка (ниже: *Экштут С. А.* Тайный советник), опираясь на великолепную традицию, основанную несколькими поколениями потомков поэта, умеет взглянуть на Тютчева без той невольно апологетической установки, какая подобает семье и для нее оправдана.

[14] Говоря о событиях 1861 г., приводим даты по старому стилю.

[15] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания — дневник / Пер. Е. В. Герье, вступит. ст. и прим. С. В. Бахрушина. М., 1928. С. 174–187. Гораздо полнее тексты Тютчевой представлены теперь в изд.: *Тютчева А.* Воспоминания / Под ред. Л. В. Гладковой. М., 2004.

[16] *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. Письма. М., 1957. С. 426.

намечающееся возвышение Анны при дворе[17], что при ее идейной близости и разительном умственном сходстве с отцом виделось, быть может, как возвышение отца с его историософскими мечтаниями; в любом случае надо понимать это словцо в духе приветствия «Ave, Caesar» — в том смысле, что влияние семьи Тютчевых на царскую становится ощутимой силой[18], тем более что вскоре там оказалась и дочь Дарья. В. П. Мещерский в «Воспоминаниях» прямо говорит, что Анна Тютчева, к которой Федор Иванович приходил во дворец, была рупором, «через который его патриотические впечатления должны были доходить до царского слуха»[19].

На *19 февраля 1855* — следующий день после кончины Николая I, приходится Манифест о восхождении на престол Александра II **(**коронация произошла уже в середине 1856 г. в Москве[20]); затем, особенно с 1857–1858 гг., оживает и крепнет забота о решении крестьянского вопроса. Отличавшийся трезвостью мысли московский славянофил А. И. Кошелев говорит о смелости царя, высказавшего перед московским дворянством мысль о необходимости освобождения крепостных в весьма настойчивой форме[21]. (Кошелев имеет в виду царский рескрипт конца 1857 и мероприятия начала 1858 г.) Любопытно (это еще пригодится нам ниже), что неподцензурный Герцен откликнулся было на сильное продвижение вперед в крестьянском деле («Колокол» от 15 февраля 1858 г.**),** дивясь своей же «верноподданности»: «Ты победил, Галилеянин»; там же он говорил: «Имя Александра II принадлежит истории...»[22]. Вот и Тютчев в сентябре 1858 г. писал: «Все эти речи окончательно доказывают, что император вполне искренно хочет освобождения. Но ведь это только половина дела. Не довольно хотеть, чтобы

[17] И. С. Тургенев называет Анну Тютчеву «неумолимая громовержица». С. В. Бахрушин (*Тютчева А. Ф.* При дворе... С. 8) передает, что вел. кн. Елена Павловна с ее высоколобым кружком в 1858 г. советовала деятелям реформы «всячески стараться сблизиться с Тютчевой», чтобы через нее влиять на политику двора.

[18] *Экштут С. А.* Тайный советник. С. 101, прим. 251 на с. 254, дает толкование этой формулы как «святая Тютчева», как будто бы попавшее в некоторые комментарии из кн.: Мемуары графа С. Д. Шереметева / Сост., подг. текста и прим. Л. И. Шохина. М., 2004. С. 116–117, прим. 110. Этот удивительный перевод (возникший, видимо, под обаянием Ave Maria без надлежащего понимания и этих слов) восходит скорее к издателю, чем к мемуаристу.

[19] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 319.

[20] В письме к жене Тютчев рассказывает, как во время полонеза в Кремлевском дворце они с Анной столкнулись с коронованным только что императором, который просил Анну не потерять отца в необыкновенной толчее этого празднества — реплика Тютчеву не понравилась: поэт и пророк не вещь, которая, того гляди, затеряется в светской толпе.

[21] *Кошелев А. И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). М., 2002. С. 65.

[22] Встреча Герцена с Тютчевым в Париже в 1865 г. сперва может показаться актом гражданской смелости поэта. Можно, однако, понять это иначе: разве не было бы в духе Тютчева, если камергер и председатель *Комитета цензуры иностранной* предложил бы правительству свое посредничество между властью и застрельщиком вольной печати в эмиграции, понимая, сколь многое, по существу, объединяет его лично с этим эмигрантом и как полезно это могло бы быть для русского развития.

мочь; надо еще уметь»[23]. В обществе — даже среди людей, принадлежащих к одному слою, — царило разногласие, принимавшее порой резкие формы. У людей, сочувствовавших реформе, складывалось впечатление, что имп. Александр борется за реформу горячее всех, преодолевая сопротивление высокопоставленных подданных. Часто вспоминают последние слова Я. И. Ростовцева, скончавшегося 6 февраля 1860 г. на руках у царя: «Государь, не бойтесь»[24].

28 января 1861 г. состоялось заседание Государственного Совета, в котором Александр выступил с требованием окончить дело в первой половине февраля с тем, чтобы манифест об уничтожении крепостного права мог быть издан к началу полевых работ. 17 февраля было последнее заседание того же Совета, посвященное решению этого вопроса, а 19-го в согласии с пожеланием царя и в виде памяти о шестой годовщине восшествия Александра на престол[25] документ о крестьянской реформе был подан императору для подписания. Начинался седьмой год его царствования, о чем напоминает помета под текстом Манифеста, над которым потрудились славянофил Ю. Ф. Самарин, товарищ министра внутренних дел Н. А. Милютин и митрополит Филарет (Дроздов)[26]. Таковы прагматические и символические соображения, упоминавшиеся при подписании Манифеста 1861 г. в день 19 февраля, хотя со временем появились и другие мотивировки такого календарного приурочивания.

Еще перед подписанием Манифеста о готовящемся событии знали в осведомленных кругах. 6 февраля 1861 г. кн. Петр Кропоткин писал брату[27]: «Скоро 19 февраля, ты знаешь, что наши крестьяне свободны, но меня бесит наша публика...». Между тем *Манифест* не был объявлен и обнародован в тот день, когда был подписан[28]. Столичные газеты второй половины февраля полны намеков и соображений относительно *наступающих* реформ. М. П. Погодин, старый товарищ Тютчева по университету, в передовой статье «Северной пчелы» за субботу, 18 февраля 1861 г. (№ 40) пишет: «...Можно надеяться, что в седьмое царствование Александра II, в предстоящие дни молитвы и поста, свершится давно ожидаемое народное событие».

Обстановку этих дней можно почувствовать из записи дневника А. В. Никитенко под 18 февраля, в субботу: «Умы в сильном ожидании по случаю крестьянского дела. Все ожидали манифеста о свободе 19-го числа. Потом начали

[23] Тютчев в письме к Э. Ф. Тютчевой, 17 сент. 1858 г. // Наш современник. 2003. № 12. С. 4.

[24] *Татищев С. С.* Император Александр Второй: его жизнь и царствование. Кн. 1–2. М. 1996 (2009); в особенности: Освобождение крестьян I, гл. XIII (1856–61).

[25] Соответственно обозначено юбилейное стихотворение Аполлона Майкова: «На 25-летие Царствования государя императора Александра Николаевича 19 февраля 1880 г.».

[26] Публикация текста *Манифеста* 19 февраля: Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 31–36.

[27] Переписка Петра и Александра Кропоткиных. М.–Л., 1932. Т. 1. С. 211.

[28] Это знание не распространяется, впрочем, на новейший шеститомник: *Тютчев Ф. И.* ПСС и письма в 6 т. М., 2002–2004. Т. 2. С. 108, 464.

ходить слухи, что он на время отлагается. В народе возбудилась мысль, что его обманывают. Вчера генерал-губернатор пустил через газеты объявление, что несмотря на разнесшиеся слухи "никаких правительственных распоряжений по крестьянскому делу объявлено не будет". Это странное объявление, без всяких объяснений, что дело отлагается только на короткое время, приводит в раздражение умы. Опасаются тревог и вспышек. В сегодняшней газете (Петербург) пишут о покушении на бунт в Варшаве...»[29]

Документы по крестьянскому вопросу, наконец, начали печататься, но это не всё, что происходило в эти дни. Брат Н. А. Милютина, военный министр Д. А. Милютин, занимается «расписанием войск» ради возможной обороны Зимнего дворца. Общее руководство поручается командиру Гвардейского корпуса с 19 батальонами пехоты, 5 батареями полевой артиллерии и 17 эскадронами кавалерии[30]. 17 февраля Госсовет одобряет проект, и циркулярные предписания отправляются во все епархии. Церковь с Синодом выступает как одно из управлений государственного аппарата. В ночь на 19 февраля войскам дают боевые патроны. Требуется наблюдение за любым собранием людей более трех человек. У Зимнего дворца наготове лошади для государя[31]. Манифест решено обнародовать в начале Великого поста.

Календарь объявления Манифеста 1861 г.

19 февраля 1861, в воскресенье, когда царь наряду с *Манифестом* подписал и *Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости*, в церкви праздновалась Неделя о блудном сыне; до начала Великого поста оставалось две недели. На этот день граф П. А. Валуев не отмечает на улицах ничего, кроме грязи (т. 1, с. 70–73). Тютчев в эти же дни исполняет данное ему поручение перевести на французский язык *Манифест,* во всяком случае, 27 февраля Дарья Тютчева пишет об этом сестре Екатерине: «Папá пришлось переводить манифест об освобождении крестьян. Я читала его, он великолепен, но не говори об этом»[32].

На том же листе читается приписка Дарьи Ф. от 6 марта: «Сегодня манифест напечатан на французском языке. Переводил его папá. Ему пришлось порядком поработать над ним». Это семейное письмо не только помогает подтвердить факт работы Тютчева над переводом, что важно, поскольку в публикации Journal de St-Pétersbourg от 6 и 7 марта (57me année, 6me série, № 54, 18–19 марта нов. ст., т. е. на следующий день после объявления *Манифеста* чрез зачитывание текста

[29] *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетелем в жизни был. Записки и дневник (1804–1877). СПб., 1905. Т. 1–2 (запись под 18 февраля 1861 г.).

[30] *Зайончковский П. А.* Отмена... С. 152 слл.

[31] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 72–73 (под 20 февраля).

[32] Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 322, письмо № 271.

в храмах и на площадях), имя переводчика не указано; кроме того, переписка дочерей Тютчева невольно сохраняет атмосферу: чувствуется, что работа над переводом воспринималась Федором Ивановичем и семьей как знак доверия правительства в обстановке государственной тайны. Что в правительстве умели ценить безупречный французский стиль Тютчева, и без того, правда, ясно.

1 марта — Валуев: ирония в отношении Погодина с его «квасом»[33].

2 марта, в четверг, на обеде в Академии наук зачитано поздравление Тютчева «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского» («У Музы есть различные пристрастья»).

3 марта. Из дневника Погодина: «Обедать к Вяземскому. Тютчев и Валуев»[34].

4 марта, Валуев: «Великие дела не лишены некоторой доли комизма» (это, наверное, о свитских генералах, посланных развозить по губерниям *Положения*)[35].

5 марта — конец масленицы, Прощеное воскресенье и начало Великого поста; в церквах, начиная с Успенского собора в Кремле, читают *Манифест.* Девичий хор исполняет: «На Руси да петухи поют, на Святой Руси Бог день дает»[36]. 19 февраля Погодин окрестил «Александровым днем»[37]. М. Катков в восхищении: великое событие возглашено величественным царским словом. Никитенко описывает, как читал *Манифест* домашним вслух, расположившись перед царским портретом. Валуев[38]: наступает «новая эра». Тайну развития событий, несмотря на очевидную неполную герметичность, более или менее удержали: даже в Третьем отделении многие не знали, что 5 марта предназначено для обнародования документа. Не обходится без критики: по Самарину, от *Манифеста* «веет скорбью по крепостному праву». Он же рассказывает об отдельных возгласах в народе, что-де «не за что и благодарить». Кто-то из слушавших *Манифест* произносит разочарованно: «Так еще два года...». П. Дм. Киселев (рукописные воспоминания, под 5 марта[39]): «пошел в собор, читали *Манифест*, но не торжественно».

6 марта — как уже упоминалось, издан без имени камергера, а главное, переводчика Ф. И. Тютчева перевод *Манифеста* на французский язык в Journal de Saint-Pétersbourg[40]. Горчаков выправляет отношение в Висбаден для очередной поездки Тютчева в Германию, в чем поэт — по разным причинам — весьма

[33] Дневник Валуева. Т. 1. С.77.

[34] Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 15: «Тютчев в дневнике и воспоминаниях М. П. Погодина» / Публ. Л. Н. Кузиной.

[35] Дневник Валуева. Т. 1. С. 79.

[36] *Михневич А. П.* Полвека назад. 19 февраля 1861 г. Освобождение крестьян. СПб., 1911. С. 36.

[37] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 18. С. 1–6.

[38] Дневник Валуева. С. 80.

[39] Записки гр. П. Д. Киселева [рукопись] // Архив СПб ИИ РАН. Русская секция. Ф. 121. Д. 39. Л. 157 и далее (франц.). (Т. В. Андреева в связи с этим напоминает о вариантах этого текста в РГИА и ГАРФ).

[40] Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 322 (переписка Дарьи и Екатерины Тютчевых).

нуждался[41]. Историк литературы отметит для себя, что вскоре Тютчеву будет пожалован орден Св. Станислава I степени[42].

7 марта, вторник — с этого дня публикация документов реформы в губерниях[43] (заметка в один абзац в «Московских ведомостях», подписана 5 марта). На выражение М.П. Погодина «Александров день» начинают ссылаться; кроме того, Александра нарекают Освободителем, откуда выражение «царь-освободитель», представленное, в частности, у Тютчева: «И имя царь-освободитель / За русский выступит предел». Ф.М. Достоевский вздыхает облегченно: «До половины завалило ров, разделявший нас с народом, остальное сделает жизнь». Некрасов верит: «Сбирается с силами русский народ / И учится быть гражданином». И. Аксаков, в скором будущем супруг Анны Ф. Тютчевой, об освобождении крестьян судит как о «новом летоисчислении русской истории». Выходя из церквей, люди христосуются, а А.И. Тургенев плачет от умиления: «Ныне отпущаеши раба Твоего».

В эти самые дни некий иностранец обратил внимание Ушинского на то, что за подобный «принцып» на другой половине земного шара «великое государство распалось на две половины и готовится кровавый спор». (Гражданское противостояние в Северо-Американских Соединенных Штатах создавало очень тревожный фон при отмене крепостного состояния в России.) Петр Кропоткин в записи от 20 марта рассказывает[44] о том, как публика в театре потребовала исполнения гимна «Боже, царя храни». Между тем в течение мартовских недель крестьяне в разных местах слушают *Манифест*, и отношение к нему с их стороны становится всё менее дружественным. Уже накануне Благовещения Погодин начинает писать нравоучительные «грамотки», в которых стремится разъяснять народу, в чем права, а в чем обязанности освобождаемых.

24–25 марта — великий праздник Благовещения. Становится известным разбираемое нами тютчевское четверостишие Александру II по поводу освобождения крестьян. На автографе датирующая карандашная помета, сделанная, как давно признали издатели, рукой Э.Ф. Тютчевой: «25 марта 1861»; в другом списке помета — 24 марта. Ценнейший материал для истории стихотворения (в настоящем случае — относительно даты его написания) дает Анна Тютчева. Еще 5 марта Анна Федоровна подсказала своей воспитаннице, вел. кн. Марии, поднести царственному отцу икону, и та сама выбрала для этого Благовещение. «Государь очень обрадовался этой иконе, он несколько раз повторил это мне», — пишет Тютчева. Так что если в дни публикации *Манифеста* Тютчев только что закончил работу по переводу его на французский язык, с полным сознанием государственной значимости документа, то лично

[41] Там же. С. 324.

[42] *Экштут С.А.* Тайный советник. Прим. 257 со ссылкой на А.Ф. Тютчеву.

[43] Документы Крестьянской реформы. 1989. Т. 7. С. 20.

[44] Переписка Петра и Александра Кропоткиных. С. 214–215.

поздравить царя и чеканно выразить смысл великого народного события было особенно уместно как раз по поводу праздника Благовещения и прямо к этому дню. Такое символическое приурочивание создавало торжественное настроение и диктовало подходящие новозаветные мотивы, а заодно было подсказано эпизодом из семейной истории как царя, так и поэта: в эти дни икона Благовещения связала обе семьи[45].

Также и проповедь Садофа Ставровского, произнесенная 5 марта, в первый день «распубликации» Манифеста[46], а напечатанная 25 марта 1861 г.[47], старалась выявить теснейшую связь значимых событий с православным календарем. Например, в «Северной Пчеле» телеграфное сообщение о подписании *Манифеста* названо «благой вестью», т. е. объявляется чуть ли не евангелием. Таким образом, даже если поэт написал четверостишие накануне праздника, поздравление царю он связывал с 25 марта.

27 марта поэт, судя по альбому М. Ф. Бирилевой, пишет стихотворение «Я знал ее еще тогда...»[48], посвященное, думается, покойной императрице Александре Федоровне — в пользу этого говорит как всегда прочувствованный, но отрешенный от чего-либо земного, тон восхищения женским очарованием усопшей[49]. В конце марта императрица Мария Александровна сообщает камер-фрейлине[50] Дарье Тютчевой: «Мне хотелось бы иметь копию стихов вашего отца, которые растрогали государя. Надеюсь, что их напечатают, но нужно это сделать помимо вашего отца». Хотя сперва кажется, что речь идет о занимающем

[45] Царская семья способствовала браку Марии Ф. Тютчевой с беззаветно смелым, но и несчастным Н. А. Бирилевым; то, что Александр II крестил дочь этой пары, положения не спасло.

[46] Таким образом, сбивающим с толку приходится признать утверждение комментатора стихотворения «Ты взял свой день» в шеститомном собрании тютчевских сочинений (Т. 2. С. 465): «Вероятно, дата “19 февраля” означала день оглашения в церквах Манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости, которому посвящено стихотворение. Манифест был оглашен в церквах 19 февраля 1861 г.». Recentiores haud semper meliores!

[47] Духовная Беседа. СПб.,1861. Т. 12; № 12. С. 337–344.

[48] Такая датировка дается в изданиях Пигарева; стихи приведены также в письме Дарьи Ф. к Екатерине Ф. от 4 апреля 1861 г. (письмо № 274 в Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 324). Пигарев считал, что адресат стихов неизвестен, однако весьма правдоподобно — тут мы согласны с Г. Чулковым (Тютчев.II. 376), что стихи «Я знал ее еще тогда...» (Пигарев. С. 215), как и Memento («Ее последние я помню взоры...», с. 268, комм. 380сл.) посвящены имп. Александре Федоровне, скончавшейся 19 октября 1860 г.

[49] В концовке «Душа хотела б ей молиться, А сердце рвется обожать» заметно сходство с уморительно-забавной после служебного скандала в Турине блесткой в стихах к поддержавшей поэта вел. кн. Марии Николаевне: «Пускай служить он не умеет, — Боготворить умеет он» («Живым сочувствием привета». 1840). Поэт создает своего рода каламбур, используя слова ‘служить’ в двух смыслах: богослужебном и просто служебном (обыгрывается здесь и ‘боготворить’).

[50] Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 323 сл. (письмо № 272 на франц., хранящееся в РГАЛИ).

нас четверостишии Александру II[51], скорее здесь имеются в виду стихи «Я знал ее еще тогда...»: конечно, нынче освобождение крестьян кажется нам более важным событием, чем более или менее дежурный мадригал покойной Александре Федоровне, но сын и невестка в те дни могли думать иначе. Поэтому в вопросе о том, кого имела в виду императрица в № 272, осторожность К. В. Пигарева кажется мне более оправданной, чем в отношении адресата «Я знал ее...» (в комм. его издания в Библ. поэта), тем более что эпизод с возвращением экземпляра тютчевского сборника 1854 г., принадлежавшего при жизни императрице-матери, в семью поэта (о чем не без сожаления сообщала Мария Александровна в письме Д. Ф. Тютчевой в конце 1860 г., вскоре после смерти Александры Федоровны[52]), свидетельствует о живейшем интересе царского семейства к Тютчеву. В эту пору к поэту становятся внимательны самые значимые лица в государстве и более того — домашние. Похоже, что Мария Александровна мечтает, чтобы Тютчев написал что-нибудь для нее самой, что он и сделает несколько лет спустя в стихах «Как неразгаданная тайна...». Впрочем, стихотворение «Я знал ее еще тогда...», как и четверостишие «Императору Александру Второму», опубликовано было только в тютчевском сборнике 1868 г. Поэт не суетился и в таких случаях.

3 апреля Никитенко записывает в своем Дневнике: «Однако, добродушный русский народ, который, по словам Погодина, встретил свободу с умилением сердца, кротко и благодарно, начинает в разных местах проявлять свое вековое невежество и грубое непонимание закона и права»[53].

В апреле–мае отношение к *Манифесту* в народе становится всё более недоверчивым: ползут слухи, что читаемый в церквах царский указ — поддельный. Не сыграло ли при этом известной роли то обстоятельство, что распространялись сразу *два* документа: *Манифест* и — не только для крестьян громоздкие — «*Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости*»? Наличие сразу *двух* основополагающих документов могло, пожалуй, поддержать распространившуюся в народе подозрительность: этот *Манифест* не настоящий, зато в другом, подлинно царском, им отдается вся помещичья земля. Старые восторги Герцена начинают бледнеть на фоне угрожающих польских событий. В народе слышно: дадут «волчью волю», без земли. Прослушав *Манифест*, крестьянин спрашивает недоуменно: «Вольный ли я?»; срочнообязанные не хотят терпеть двухлетнюю барщину.

[51] Комментаторы письма № 272 — (см. пред. сн.) Т. Г. Динесман при участии А. Л. Осповата — полагают, что Мария Александровна говорит о четверостишии Александру II; между тем, надо признать, что царская семья, не забывая проявлять внимание к общим интересам, не пренебрегает и своими.

[52] Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 322 (письмо № 270, франц., императрица Мария Александровна — Дарье Тютчевой).

[53] *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 2. С. 16.

Под *16 апреля* Никитенко знакомится с депешей о бунте в Казанской губернии. Антон Петров (А. П. Сидоров) из села Бездна задержан и впоследствии публично расстрелян свитским генерал-майором графом А. С. Апраксиным; более сотни крестьян убиты или ранены[54]. Войска тоже начинают роптать[55].

17 апреля — вторая грамотка Погодина с разъяснениями для народа. Видно, насколько правильно высказывался П. Д. Киселев еще 5 марта: «Ожидали чего-то невозможного, робея печатать; а ведь если что важно, так это применение»[56].

29 мая датировано письмо Дарьи Тютчевой к мачехе[57]: Горчаков готов дать Тютчеву отпуск в Висбаден (правда, в том году не получилось), «лишь бы папá выполнил его поручение и *перепечатал свои стихи»* (слова, выделенные курсивом, даны в письме по-русски, и кажется, они не совсем правильны, потому что речь не могла идти о перепечатывании, а либо о *на*печатании, либо о пере*писывании*). Если министр Горчаков просит поэта о стихах, то естественно думать, что он-то говорит именно о четверостишии на крестьянскую реформу, а не о написанном в те же недели мадригале памяти императрицы или стихах по случаю юбилея Вяземского[58]. К лету 1861 г. Герцен пишет статью под названием «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» (СС в 30 т. М., 1958. Т. 15. С. 133).

1 сентября Дарья Тютчева сообщает сестре Анне (фр.): «Папá представлен к ордену Станислава 1-й степени, у которого голубая лента. Вот и папá украшен лентой»[59]. Горчаков тайком рассказал об этом вперед, тем более что заслуга в получении этой награды была, наверное, его как начальника ведомства — не зря же он хлопотал о стихах; рада и Эрнестина Федоровна — муж будет не хуже кн. Вяземского (при дворе чтили ветеранов и словно вымеряли их заслуги: под князем при Бородино было убито две лошади; и если Авр. С. Норов, хоть и был чуть младше князя, стал старшим коллегой Вяземского по Министерству народного просвещения, — не оттого ли это, что не лошадей потерял, а собственную ногу?).

Записка Валуева царю (подписана 15 сент. 1861 г.) «О положении крестьянского дела к началу сентября 1861 г.» дает итоги первого полугодия после вступления в силу *Положений*: зарегистрировано 647 выступлений крестьян против властей;

[54] Рапорт Апраксина об этом событии см.: Крестьянское движение в России в 1857–1861 гг. после отмены крепостного права в 1861 г. Сборник документов. М.–Л. 1949. С. 66–73.

[55] *Зайончковский П. А.* Отмена (см. сн.12). С. 177.

[56] Слова П. Д. Киселева: «On s'attendait à quelque chose d'impossible quand on redoutait la publication, c'est l'application qui est la chose importante» (по рукописи СПб ИИ РАН. Р. 157; ср. выше сн. 39).

[57] Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 324.

[58] Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. № 276 (РГАЛИ, франц.), комм. на с. 324, прим. 3: неизвестно, о каком стихотворении говорит Горчаков. Прав, на наш взгляд, Экштут (Тайный советник. С. 131): Горчаков, хлопоча о некоторых удобствах для Тютчева, скорее рекомендует опубликовать его мадригал о крестьянской реформе.

[59] Там же. С. 326.

в таких обстоятельствах, по изумительному выражению Валуева, приходилось думать о «нравственном влиянии военной силы»[60]. Телеграмма № 247 из Казани от полковника Ларионова (13 апреля) сообщала: «у Пушкина убито до 60 крестьян», на что следовала разочарованная помета царя: «грустно и непонятно».

Уже в *декабре* А. И. Кошелев взвешенно рассуждает о разных сторонах и следствиях реформы, а вместе о том, как и почему ею недовольны *все* сословия и состояния. И все-таки (в неподцензурном — немецком — издании!) он заявляет: «Солнце свободы встало для России»[61].

Комментарий к четверостишию на 1861 г. по синтагмам

Применим теперь просмотренные нами исторические данные к толкованию занимающего нас стихотворения. Освещая один колон текста за другим, постараемся дать ответ на различные вопросы, касающиеся прежде всего синтаксиса и стилистики, а также образности, мотивов, обстоятельств, тесно связанных с созданием и содержанием этого небольшого и цельного произведения.

«*Ты взял свой день...*» — сам этот оборот в начале четверостишия похож на галлицизм, напоминая французский оборот *prendre son jour*. Возможно, что «глупая непривычка писать по-русски», за которую журил себя поэт, но которую разделял двор и находившиеся при дворе дочери поэта, слегка сказалась на сочинении, тем более что оно носило не лирический, а как раз придворно-политический характер. Независимо от вопроса о галлицизме есть свидетельства, показывающие, что как раз эти слова могли происходить из дворца и отчасти восходить к самому Александру II. Военный педагог и писатель А. П. Михневич рассказывает про чтение Манифеста 5 марта 1861 г.: «Государь прочел Сам растроганным голосом этот великий манифест на разводе в Манеже и по словам известного писателя Авенариуса[62] сам же громогласно сказал, что "*это лучший день в его жизни*". Эти незабвенные слова Царя-Освободителя тотчас же отразились в стихах лучшего поэта времен освобождения Ф. И. Тютчева»[63].

Этому не противоречит рассказ, который либо варьирует тот же эпизод, либо отражает более частное событие того же значительного дня. Сославшись на А. Ф. Тютчеву, кн. В. П. Мещерский рассказывает, что в день публикации *Манифеста* об освобождении крестьян (т. е. 5 марта) император, вбежав в комнату своей дочери Марии и подняв ее на руки в присутствии ее воспитатель-

[60] Записка П. А. Валуева Александру II о проведении реформы 1861 г. / Подг. О. Н. Шмелева // Исторический Архив. 1961. № 1. С. 66–81.

[61] *Кошелев А. И.* Какой исход для России из нынешнего ея положения? Лейпциг, 1862. (предисловие подписано декабрем 1861 г., с. IV).

[62] Василий Петрович Авенариус (1839–1923) — окончил математический факультет Петербургского университета; писатель антинигилистического направления, нападавший на Чернышевского, что вызвало встречные нападки со стороны адептов последнего.

[63] *Михневич А.П.* Полвека назад. 19 февраля 1861 г. Освобождение крестьян. СПб., 1911. С. 26.

ницы Анны Тютчевой, воскликнул: «J'ai voulu embrasser ma fille *le plus beau jour de ma vie* (курсив мой. — *А.Г.*)». Это, кстати, вполне могло произойти после чтения *Манифеста* самим Александром где-то поблизости от Зимнего дворца (иногда говорят о Манеже или показывают на картинах то крыльцо Зимнего дворца, то устроенное генерал-губернатором кн. А. А. Суворовым на Сенатской (Смольной) площади народное приветствие Александру)[64].

Наконец, в расширенном и дополненном издании записок А. Ф. Тютчевой, которым мы располагаем теперь, под датой 5 марта есть любопытная запись, рассказывающая о том же чуть иначе. «За вечерним чаем Государь говорил: "Не правда ли, такое чувство, будто сегодня пасхальное воскресенье..." Государь прочел нам Манифест и статью Погодина, которой он весьма доволен»[65]. Рассказы Тютчевой, таким образом, неоднократно касаются связанных с реформой моментов и мотивов, создающих фон для реплики Тютчева «Ты взял свой день». Ведь понятно, что Анна Тютчева, вспоминавшая этот эпизод в беседе с Мещерским много позже, не могла не рассказать об этом в те волнующие дни своему всегда страстно ожидающему великих новостей отцу — в этом смысле поражает дружеская чувствительность Эрнестины Федоровны, которая говорила, что иногда молит Бога о том, чтобы на свете стряслось хоть что-нибудь, достойное внимания Федора Ивановича, и ему не было так беспредельно скучно.

Впрочем, похоже на то, что царь иной раз вел себя с Анной Федоровной и ее отцом сходным образом, стремясь через них — ненавязчиво и тем более убедительно — донести до общества свои настроения. Слова Тютчевой в той записи, которую мы только что цитировали, ведут как раз в этом направлении: «Государь сказал мне: "Запишите всё, что сегодня произошло, чтобы когда Мари вырастет, она знала, как прошел самый счастливый день в моей жизни"». Сколько б ни было здесь идеологии, роль царя в многотрудном решении по крестьянской реформе признавали наблюдатели, державшиеся сколь угодно различных взглядов; иной раз говорили о нерешительности монарха, но, кажется, никогда — о его равнодушии.

Итак, в первых же словах Тютчев высказывает нечто, находящееся между «настал твой день» и «ты в этот день победил», причем, может быть, «свой день» с характерным тютчевским jeu des mots намекает на то, что 19 февраля, которое и без того было царским в качестве дня восшествия Александра Николаевича на престол, теперь становится днем великой победы царя в деле единения тех, кто населяет великую страну. Не зря вскоре после объявления 5 марта, заговорив об «Александровом дне», стали собирать пожертвования на икону Александру Невскому; уже и церковь во имя св. Александра Невского мыслится теперь не иначе как посвященной Александру II, царю-освободителю.

[64] Картина Н. Соколова, изображающая Александра и народ неподалеку от Зимнего дворца или Манежа, воспроизведена недавно в журнале «Родина» (2014. № 4. С. 55; спец. вып.): «Александр II и реформы»; ср. «Чтение Манифеста 1861 Александром II на Смольной площади в СПб» на картине А. Кившенко — тут событие происходит у Медного всадника.

[65] *Тютчева А. Ф.* Воспоминания... 2004 (выше сн.15.).

С 7 апреля началось вручение деятелям крестьянской реформы *александровских* лент с изображением императора и надписью «Благодарю»[66]. Недаром для К. Д. Ушинского свято самое имя Александр — «...в нем, в этом благословенном имени — свобода 23-х миллионов людей... Что должен был чувствовать Государь, подписывая это всё завершающее и всё утверждающее имя?»[67] Празднику рады — утверждал тогда же Погодин — «не одни члены великой русской семьи, вышедшие ныне из крепостной зависимости, но и все сословия русских людей». Предложение Погодина отныне называть 19 февраля «Александровским» или «Александровым» охотно подхвачено, к примеру, уже в передовой статье «Московских ведомостей» (от 7 марта): «В ту минуту, когда мы пишем эти строки, миллионы наших *братьев* с любовью и сердечным умилением произносят это на веки *благословенное имя. Александров день* (как назвал г. Погодин 19 февраля. — *Прим. автора газетной статьи*) навсегда останется одним из великих дней русской истории...»

«*Замеченный от века / великою Господней благодатью...*» — что это значит на том отчетливом языке, к которому обычно стремится Тютчев? Предположить, что поэт объявляет чуть ли не предвечным праздником очередную годовщину дня воцарения Александра II (19 февраля 1855 г.), даже и в соединении с подписанием *Манифеста о крестьянах* (19 февраля 1861 г.) было бы, как представляется, чрезмерным для Тютчева — Погодин хоть и говорит, что в тот день в 1861 г. сердце русского царя было «в руке Бога», но до мысли, что сроки были согласованы и утверждены на небесах, он не доходит. Что же тогда было «замечено от века» на этот день?

Православные проповедники, которым начиная с 5 марта пришлось возвещать *Манифест* народу, в поисках подходящих библейских мотивов для проповеди учитывали и церковный календарь то на 19 февраля, то на 5 марта 1861, а то еще, как мы уже видели, на 25 марта. Так, Садоф Ставровский, говоривший 5 марта в придворной Каменноостровской церкви, приводил *Первое Послание к Коринф.* 7: 21–23: «призванный о Господе раб свободник (т. е. вольноотпущенник. — *А. Г.*) Господень есть»; указывая на приснопамятность приходящегося на этот день праздника (Прощеное воскресенье в последний день масленицы), проповедник вспоминал освобождение евреев из рабства египетского и тут же указывал на то, что всего опаснее быть *рабом* страстей человеческих. Увязывая свою речь с чином прощения, Садоф призывал прощать хозяев, если те в чем погрешили против бывших рабов, потому что и рабы, конечно же, в чем-нибудь да провинились пред своими господами.

Отношение митрополита Филарета к реформе было весьма сложным; между тем именно ему досталась окончательная правка этого текста. 18 мая

[66] Царственная краткость так и просится в коллекцию Козьмы Пруткова, чуткого к казенно-величавому стилю старой вертикали.

[67] *Ушинский К.Д.* Журнал министерства народного просвещения. 1861. Январь. Ч. CIX (неофиц). С. 3.

того же года святитель высказался о реформе перед вступлением Александра II в Успенский собор[68], на этот раз делая упор на седьмой год царствования, пошедший с 19 февраля 1861 г. Это напомнило духовному витии о том, что «у древнего народа Божия седьмое лето было летом законного отпущения из рабства (*Исх.* XXI, 2)»; удивительно ли, что и нынешнему народу-богоносцу «с наступлением Твоего седьмого лета Ты изрек отпущение»? Гомилетическая свобода приглашает проповедника соединять толику остроумия с долей глубокомыслия; развивая свою тему, надо дать слушателям материал, который им будет занимательно примерить к переживаемым событиям, освящая мирские происшествия церковной памятью. Поскольку в четверостишии для многозначительных экскурсов (в отличие от проповедей) места не было, Тютчев должен, мне кажется, иметь в виду нечто весьма простое и общепонятное.

Сравним тютчевские слова с репликой К.Д. Ушинского о тех же событиях. Тот путь, что ведет к свободе 23 миллионов людей разом, приводит с собой «великую, святую, истинно христианскую минуту в жизни русского народа». Ушинскому слышится в этом «мольба о свободе, возносящаяся к Тому, Кто кровью Своею купил свободу каждому человеку»[69]. Поэтому и нам в словах «(день) замеченный от века великою Господней благодатью» слышен парафраз самой идеи воскресения Христова после искупительной смерти за пребывающих в рабстве человеков. В настоящем случае это воскресение ознаменовано тем простым обстоятельством, что великое «новозаветное» событие — освобождение разом миллионов людей — происходит в *воскресные* дни 19 февраля и 5 марта. По ходу развития событий каждая из этих дат воспринималась как значительная; впоследствии придется выбирать из них одну, потому что историческая память поколений ограничена. Характерно, заметим, что в стихах на кончину Дм.Н. Блудова, названных «19 февраля 1864» (день кончины Блудова), Тютчев связывает освобождение крестьян именно с 19 февраля — днем подписания *Манифеста* 1861 г., а не с днем его всенародного объявления две недели спустя[70]. Слова «И вспомнил он годину обновленья — Великий день, новозаветный день...», как и указание на «два образа, заветные, родные» (им же имя «Россия» и «царь»), представляют собой прямую авторскую реминисценцию катрена «Ты взял свой день».

[68] Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. М., 1885. Т. V (1849–1867). С. 513–514. Имеется и вдумчивый богословский анализ Филаретовой редакции *Манифеста* у патриарха Алексия (Симанского).

[69] *Ушинский К.Д.* Указ. соч.

[70] Характерно, что и Высочайший манифест 1864 г. о наделении польских крестьян землею (от крепостной зависимости они освобождены еще Наполеоном) подписан опять же 19 февраля. Что касается 5 марта, которое многими начало, кажется, восприниматься как главный день, знаменующий свободу, то 19 февраля как день, уже связанный с датой вступления Александра II на престол, оказался все-таки более удобным в символическом и в мнемоническом смысле.

«*Он...*» — если паузу перед третьей строкой считать продолжительной, а причастие «замеченный» — тесно прилегающим к первым словам стихотворения, так, чтобы получалось: «Ты взял день, замеченный от века..., он... сдвинул и возвратил...», то после первой фразы, распространившейся целиком на две первые строки, начиналась бы вторая, открывающаяся местоимением «он» и опять же обнимающая следующие две строки в целом, — от такого строения фразы оставалось бы ощущение ритмической монотонности, притом с неловкостью в синтаксисе. Между тем для Тютчева характерна высоколитературная, отчетливая периодизация речи, безо всякой натуги отливаемая им в заранее готовую синтаксическую матрицу, которая распространяется на целую строфу, а то и на две или более (пример с периодом на пять строф подряд дает стихотворение «Когда дряхлеющие силы...»). Если у кого Афина рождалась из головы в полном вооружении, так это у Тютчева с его ранней классицистической выучкой, образцовыми навыками во французской прозе, неистовством пророка и гениальной леностью.

Между тем автограф архива Тютчевых (уже нами приводившийся и правильно принятый за основу в изданиях Пигарева) дает многоточие после слова «день» в первой строке и начинает причастие «замеченный» с прописной буквы. Иначе говоря, первая фраза состоит всего из четырех слов и едва занимает половину первой строки, а дальше и уже до конца катрена идет вторая фраза, построенная по контрасту как период: «Замеченный... благодатью, он сдвинул... и возвратил...»; а поскольку «он» подхватывает слово «день» из первого колона, то можно считать, что *обе* неравные по объему части фразы, соединенные в четырех строках, образуют единый, цельный период — весьма членораздельный, невзирая на крошечный объем. В этом очень узнаваем Тютчев; сравним с только что разобранным примеры, содержащие похожее анафорическое местоимение: «Стыдливости румянец невозвратный, / *Он* улетел с твоих младых ланит» («К N.N.», с. 111) или «Угоден Зевсу бедный странник, / *Он* гостем стал благих богов!» («Странник», с. 119); то же можно сказать об «*он*» в ст. 6 и 8 стихотворения «Ты зрел его...» (с. 109). Сходство по синтаксису и еще более смелую структуру являет и такая фраза («Колумб», с. 162): «Тебе, Колумб, тебе венец! / Чертеж земли *ты* выполнивший смело...». В тютчевских периодах подлежащему нередко приходится подождать до второй строки: «О, как они и грели, и сияли / Твои, поэт, прощальные лучи» (Памяти В.А. Жуковского, с. 195); «Хотя б она сошла с лица земного, / В душе царей для правды есть приют...» (с. 280); дело доходит до подлежащего только к четвертой строке (стихотворение «*Живым сочувствием привета*», с. 159): «И человеческим сознаньем / *Их* всемогущей красоты / Вдруг озарятся, как сияньем, / Изящно-дивные черты». А в стихотворении «*Когда дряхлеющие силы...*» группа подлежащего («*сварливый старческий задор*») появляется только в двадцатой, заключительной, строке стихотворения. В отношении интерпункции это означает, что тире после второй строки разбираемого нами четверостишия ставить не нужно.

«*Сдвинул...*» — употребление слова «сдвинул» может сначала озадачить своим не вполне салонным звучанием, но если вдуматься в сопряженные с *Манифестом* значительные события и вековые привычки, выражение это становится уместным, передавая гигантскую задачу реформы и необозримую громаду ее последствий (ср. у Ломоносова о Боге, который «с суши сдвигнул океан»). Несколько в тон Валуеву, заметившему, что «этих вопросов на рысях не раскусишь»[71], Тютчев подразумевает тяжкое и долго носимое бремя несвободы. Тем примечательнее, что та же лексема, и опять же в связи с крестьянской реформой, содержится в пометах Александра на *Записку* Валуева: «Дело это... *подвинуть* действительным образом»[72]. Учитывая последнее, нельзя исключать, что и тут Тютчев, как в случае с «Александровым днем», опять же старается учесть речения самого царя.

«*рабский образ...*» — это коренной образ Тютчева, представляющий Русь как нечто неотделимое от Христа: Россия не может быть без Христа, как и Христос без Руси. Тютчеву, как когда-то Аввакуму, даже и не помыслить себе, чтобы «Христос со апостолы не по-русски разговаривал». Программным выражением этой концепции стало тютчевское стихотворение «*Эти бедные селенья...*» (1855, после поражения от европейской коалиции) — Богочеловек в *рабском виде* ходит по Руси и благословляет ее рабский (прозаически выражаясь: крепостной) облик, ознаменованный нищетой, неприкаянностью, но вместе и всепрощением, т.е. так, словно русское крестьянство *идеально* воплотило в себе эсхатологический идеал раннего христианства. Этот образ подразумевает наличие евангельской души русского народа — небезгрешного, зато (будто бы) непрестанно ищущего искупления и очищения[73] и потому достойного лучшей доли.

«*возвратил семье меньшую братью...*» — затронутая здесь тема связана, кажется, с одной незаметной на первый взгляд календарной подробностью. Мы уже упомянули, что в 1861 г. на воскресенье 19 февраля приходился переходящий церковный праздник — «неделя о блудном сыне»[74]. На наш взгляд, в своем четверостишии поэт (самостоятельно или под чьим-то влиянием) решил связать дату подписания *Манифеста 19 февраля* с названным праздником, а значит примерить к освобождению крестьян те смыслы, какие усматриваются в евангельской *притче о блудном сыне*. В самом деле, притча о возвращении младшего сына, утратившего подобающее место в жизни (Лука 15: 11–32), соприкасается с тем, как многие дворяне объясняли положение крестьян, оказавшихся в крепостной зависимости. Нас приглашают сравнить возвращение

[71] Дневник Валуева. Т. I. С. 172 слл., особенно 176.

[72] Записка Валуева. С. 78, прим. 4.

[73] Ср. для примера: *Катков М.Н.* Два отзыва о русском народе // Империя и крамола. М., 2007. С. 328–333.

[74] В «Воскресном чтении» № 47 за 1861 г., с. 481 слл. на 19 февраля приводилось одно из применений притчи о блудном сыне: под младшим сыном предлагалось понимать либо народы языческие, либо обращающихся грешников.

крестьянам когда-то напрасно утраченных ими прав с возвращением в семью меньшого — и блудного — брата. Разумеется, в притче учитываются не все присутствующие в рассказе элементы (это не аллегория), а лишь некоторые из них, зато вместе с атмосферой, какую несет с собой избранная притча. В воссоединении семьи после долгих испытаний переживается прежде всего радость смирения, милосердия, человечности.

Эта монархическая концепция навевалась с разных сторон[75]: явились же 5 марта «малые сии» приветствовать царя хлебом-солью! И не дворянству ли принадлежит старшинство в народном семействе? Вообще девиз «семья» в патриархальной версии национальной идеи был весьма существен для российской идеологии, применяясь то к различным слоям русского населения, то к славянским народам в их отношении к России. Выступая в Польше в 1856 г., Александр говорил о «великой всероссийской семье», а Я. И. Ростовцев 14 февраля 1859 г. сказал, что Александр «создает в России народ, которого доселе в Отечестве нашем не существовало»[76]. Чтобы пояснить молодому герцогу Н. М. Романовскому (Лейхтенбергскому) суть крестьянского вопроса, вел. кн. Константин Николаевич выразился о цели реформы так: «...чтобы вся семья могла быть заодно»[77]. А консервативный идеолог Р. А. Фадеев писал: «*Россия откроет свои объятья всем, кто по сердцу ближе к ней, чем к Европе, на правах младших, но самостоятельных братьев одной великой семьи*»[78]. Нечто очень близкое находим в высказываниях Погодина — приятеля юности Тютчева: «СПб., 6 марта 1861 г. В 9 часов утра: Слава в вышних Богу! Великое народное дело свершилось: нет более в России крепостных людей. Двадцать три миллиона наших братий по духу и плоти... целой трети народонаселения империи дарованы права... Слава и Благодарение Небесному нашему Учителю, принесшему в мир учение любви и христианской... свободы. В Его благодеющей Руке было сердце русского царя, когда Он подписывал великую грамоту 19-го февраля 1861 года. <...> не умрет славная память об Александре II, который на высоте своего величия свято хранит звание Человека (выделено М. П. Погодиным. — *А.Г.*)». Характерно, что с возрастом Тютчев и Погодин стали ближе друг другу, а отклики обоих на реформу нравились Александру II[79].

[75] Тютчев, конечно, лучше знал классическую словесность, чем древние изобразительные традиции; ему вряд ли было известно, что античные художники изображали рабов в виде существ значительно меньшего роста, а греческий язык именовал их παῖδες, то есть ‘дети, ребята’.

[76] *Татищев С.С.* Император Александр II... Т. 1. С. 213.

[77] Переписка Имп. Александра II с вел. кн. Константином Николаевичем / Сост. Л. Т. Захарова и Л. И. Тютюнник. М., 1994. С. 286.

[78] *Фадеев Р.А.* Собр. соч. СПб., 1889. Т. I. С. 117.

[79] Это не помешало газете Journal de St. Pétersbourg (1861. N 66. 20/21 mars), не обинуясь, назвать погодинский текст малосодержательным.

В этом смысле красноречив такой документ, как выполненная по модели Ф. П. Толстого настольная медаль «В память освобождения крестьян от крепостной зависимости», на которой изображены крестьянство и дворянство, подобно *двум братьям* подающие друг другу руку, между тем как царь, отчасти похожий на норманнского князя, отечески любовно кладет свои руки на плечи обоим. При этом «благородное дворянство» *Манифеста* оказывается под левой рукой царя, а «крестьянин» в стилизованном полуантичном одеянии — под правой[80]. Не менее картинно оба сословия описывались в словах *Манифеста* так: «от проходящих высшую службу Государственную до проводящих на поле борозду».

Отточие в конце катрена и прописные буквы

К. В. Пигарев, неоднократно издававший сборники стихотворений Тютчева, следует автографу РГАЛИ, а в конце четверостишия ставит отточие, следуя первому (прижизненному) изданию катрена в 1868 г. Между тем отточие в конце не нужно по смыслу, не говоря о том, что его нет в автографе; к тому же Тютчев обычно проговаривает всё, что хотел сказать. Что касается запятых после 1-й и 3-й строки и каких-то похожих на тире помет в конце колонов (ритмико-синтаксических групп), имеющихся в автографе, то их воспроизведение в современном тексте было бы даже вредно для восприятия текста, потому что ныне не принято ставить какие-либо знаки только ради того, чтобы отметить окончание стиха или меньшего речевого отрезка, когда эти пометы не отражают членения фразы. В этом случае «истина» автографа способна сбивать с толку.

Другое дело, когда издатель пренебрег тем, что многие слова в четверостишии рукой поэта написаны с *прописной* буквы. Положим, что в словах «Господней Благодатью» прописные буквы могут либо оттенять благоговение пред Высшим началом, а могут попросту носить характер устаревшей орфографической регламентации, как это было в написании «март» из пометы «25 Марта 1861», потому что написание этих слов с заглавной буквы — это действительно лишь преходящее орфографическое обыкновение. Но когда прописные буквы появляются в собственноручно переписанном тексте Тютчева в словах *День*, *Человек*, *Семья* и *Братья* — здесь, на мой взгляд, отказываться от них не следует. Ведь такое написание — не дань изменившим свою значимость формальным обыкновениям, а выведение упомянутых поэтом понятий в приподнято-символическую сферу: воспроизводя эту черту, мы приближаемся к авторскому замыслу.

Итак, К. В. Пигарев был в основном прав в текстологических решениях, касающихся текста этого стихотворения, за вычетом нескольких штрихов, касающихся пунктуации и графического оформления текста.

[80] Медаль в память освобождения крестьян от крепостной зависимости, выбитая на Санкт-Петербургском Монетном дворе медальером Н. А. Козиным по эскизу гр. Ф. П. Толстого, была отчеканена в 1862 г.

Заголовок и дата написания

Заголовок (почти так же, как и дата) — вещь служебная, сопряженная, впрочем, с содержанием произведения. В изд. Быкова (1913, с. 197) четверостишие называется «Императору Александру II», как это было и в первом издании 1868 г.[81], а в изданиях Пигарева название этого стихотворения — «Александру Второму». Самый способ графического обозначения цифры не так безразличен, как может показаться на первый взгляд; и уж совсем небезразлично, принадлежит ли название автору или нет. «Императору Александру II» выглядит торжественно, но приглашает сравнивать Александра II с Александром I, а не с Александром Великим, чего не стоит исключать при посвящении «Александру Второму», которое четко означено на автографе Тютчева в РГАЛИ (Ф. 505. Оп. 1. Д. 36. Л. 3)[82]. Слово «император», иногда вводимое в заголовок, делает стихи более парадно-официозными, и не зря оно не начертано рукой автора.

Что касается датировки написания «Ты взял свой день...», то в изданиях указания на это разнятся. При первой публикации (1868) помета была: *19 февраля 1861 г.*; в изд. 1900 г.: *март 1861* г.; у Пигарева в Библиотеке поэта после четверостишия стоит: *25 марта 1861*— эта датировка внесена в автограф *перед* текстом заботливой рукой Э. Ф. Тютчевой, но уже судя по домашнему почерку и карандашу дата понималась ею именно и только как внешняя помета. Если в Мурановском альбоме, как сообщают издатели, стоит дата *24 марта* — канун Благовещения, — то ясно, что по существу это то же, что 25 марта: торжественнее было сделать стихотворение известным в праздничный день, а написать текст о великом событии хотя бы за день-другой до праздника было благоразумнее. В изд. Литпамятников у Пигарева (т. 2, с. 149) датирующая помета в тексте снята вовсе, поскольку сам автор такой пометы в автографе не сделал; издатель приводит ее только в комментарии, поскольку она, конечно, важна для истории произведения.

Ясно, что время сочинения стихотворения лежит между 19 февраля и 25 марта 1861 г., между которыми помещается ряд событий, связанных с реформой. Благодаря помете «24 марта» в альбоме Бирилевой можем приблизить нижнюю границу еще на один-два дня. Таким образом, четверостишие «Ты взял свой день» написаноТютчевым, вероятнее всего, между 6 марта, когда вышел тютчевский французский перевод *Манифеста,* и 23–24 марта 1861 г. Учтем и то, что 27 марта Тютчев пишет новое стихотворение «Я знал ее еще тогда...» (с. 215). Это примечательно в том смысле, что в те недели наряду с четверостишием на крестьянскую реформу, которая в семье царя, как и в семье Тютчева, воспринималась как семейное событие, во дворце проявлен был интерес и к свет-

[81] Стихотворения Ф. Тютчева. М., 1868. С. 189.

[82] Отождествление руки Э. Ф. Тютчевой восходит к Чулкову II, 127 и 375; немудрено, если озадаченный указанием то на 25, то на 24 марта, он решил пометить стихи просто «мартом 1861».

ски-лирическим стансам Тютчева, обращенным почти наверное к прежней императрице Александре Федоровне, а в обществе 2 марта праздновался юбилей П.А. Вяземского, для которого Тютчев написал поздравление «У Музы есть различные пристрастья» (некоторые находили этот юбилей несвоевременным в те напряженные дни — тем примечательнее, что он был все-таки отмечен)[83].

Итог рассмотрения тютчевского четверостишия

Обобщая наши наблюдения о строении, форме и графике разобранного тютчевского текста наряду с его историческими предпосылками, признаем, что благодаря знанию обстоятельств, при которых стихотворение было создано, контексту общеисторическому и чертам мировоззрения и поэтики Тютчева есть возможность с немалой вероятностью решить ряд вопросов, которые трудно было бы осознать и понять из текста, оставаясь в его узких — но, как видим, вместительных — пределах. Тютчев принадлежал к тем, кому, невзирая на склонность относиться ко всему критически, а то и насмешливо, освобождение целого сословия соотечественников представлялось событием сопряженным с прямыми человеческими ценностями и отражающим взаимодействие мощных исторических сил. Для поэта, стоящего за монархический идеал и пристрастно болеющего за судьбу России, характерен язык церковных символов, календарно-числовых соответствий, исторических уподоблений и вообще — всевозможных «знаков». Четверостишие, снабженное несколько формальным орнаментом акростиха, который без назойливости выражал полнейшую преданность автора монарху, а вернее монархии[84], выстроено заботливо и выражает мысли поэта, близкие к тому, чего держался товарищ тютчевской юности М.П. Погодин. Тютчев не стремится услужить царю — он вырабатывает идеальную историческую перспективу, а уж если говорить о конформности, то она, по существу, ожидается и от власти. Речь идет о народном, т.е. о домашнем, семейственном деле, которому семья поэта служит почти так же, как семья самодержца. С обоснованными выше небольшими, но не совсем, пожалуй, безразличными поправками, текст четверостишия было бы всего правильнее печатать так:

[83] Отсюда понятно начало стихов Тютчева к повторному, более уместному, чем среди треволнений марта 1861 г., празднику в честь П.А. Вяземского: «Теперь не то, что за полгода...».

[84] Ср. по тону концовку тютчевской «Докладной записки императору Николаю I» (1845): «Если идея эта будет принята благосклонно, я почту за великое счастье сложить к стопам Императора все, что может дать и обещать человек: чистоту намерений и усердие абсолютной преданности». Цит. по изд.: Федор Иванович Тютчев / Подг. Г.В. Чагин. М., 2004. С. 68. Первая публикация этого важного текста: А.Л. Осповат. ‘Новонайденный меморандум Тютчева. К истории создания’ // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 89–115 (перевод тютчевского текста с франц. выполнен В.А. Мильчиной).

Александру Второму
Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою Господней благодатью,
Он рабский образ сдвинул с Человека
И возвратил Семье меньшую Братью.
[25 марта 1861]

После кончины Ф. И. Тютчева, 18 июля 1873 г., в кратком некрологе поэту М. П. Погодин в статье, подписанной 23 июля, поместил в «Московских ведомостях» (год 118, № 190 от 29 июля 1873, с. 3) «Воспоминания о Федоре Ивановиче Тютчеве», где посвященное Александру II четверостишие приводится полностью (понятно, что Погодину было приятно вспоминать, что в понимании событий 1861 г. его старый товарищ стал понимать вещи почти так же, как и он)[85].

Эпилог: Тютчев о здравом смысла русского народа

Просмотрим напоследок некоторые другие эпизоды из обращений Тютчева к судьбе крестьянской реформы. Современник рассказывает о том, что нараставшее у самого царя разочарование в реформе и даже некоторое раздражение от нее выразилось в растущем нежелании слышать неумеренные похвалы ей. Это настроение, по рассказу Е. М. Феоктистова, вызвало замечание Тютчева: «...Государь испытывает то же самое, что каждый из нас, когда по ошибке вместо двугривенного дашь червонец; нищий рассыпается в благодарности, прославляя ваше великодушие; отнять у него червонец совестно, а вместе с тем ужасно досадно за свой промах».

За этой удивительной репликой[86] стоит — как и следовало ожидать от Тютчева — тонкий и меткий, притом не очень оптимистичный, анализ хода реформы вместе с отличным знанием человеческой психологии: после слишком большого усилия даже успех (который всегда неполон) способен вызывать раздражение у того, кто по ходу дела не изжил, а то еще и усилил дисгармонию в себе самом. Похоже, что это и произошло с Александром II, как можно видеть, в частности, по его пометам на Докладной записке Валуева в конце 1861 г.

Через несколько лет Тютчеву случилось написать несколько прочувствованных стихотворений на болезнь и смерть вел. кн. Николая Александровича (ум. 12.IV.1865) «Сын царский умирает в Ницце» и «Всё решено, и он спокоен»; сочувствие к матери наследника было у знавшего семейное горе

[85] Перепечатано в Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 24–27, в особ. с. 25.

[86] *Феоктистов Е.М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М., 1991. С.191 — источник, как считают, не всегда точный, но кто кроме Тютчева способен был придумать и высказать такое сравнение?

поэта искренним, о чем свидетельствуют стихи «Как неразгаданная тайна...» и даже более слабое по поэтическим достоинствам (это отнюдь не значит, что и по чувству) «Кто б ни был ты...». Тем примечательнее, что почти тогда же, 30 апреля 1865 г., Тютчев сочинил довольно злую эпиграмму на попечителя наследника, несметно богатого морганатического супруга вел. кн. Марии Николаевны, основателя имп. Археологической комиссии и пр. — С. Г. Строганова (1794–1882):

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил:
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил»[87].

Инвектива на деле, пожалуй, даже более сердитая, чем кажется на первый взгляд, а подоплеку для нее находим в дневниковых записях Анны Тютчевой, которая настойчиво — как и всё, что она делала, — обвиняет Строганова во всех несчастьях, хотя из ее же рассказа видно, что стремление графа задержать общую панику в связи с болезнью наследника (хотя бы из-за вреда, какой такие разговоры могли принести больному), не было ни бессмысленным, ни зловредным.

Так или иначе, слово о здравом смысле русского народа[88] способно задержать на себе внимание того, кто его в первый раз услышит (особенно когда сам он, принадлежа к этому народу, располагает толикой здравого смысла). Ведь контекст, в котором это высказывание появляется у Тютчева, способен озадачить: разве не каждый народ умеет пользоваться своим языком, иной раз проявляя меткость в словах и оборотах? Поэтому не будет лишним, мне кажется, вспомнить, что в хорошо известном поэту *Манифесте* 1861 г. был такой абзац: «*Полагаемся и на здравый смысл Нашего народа*. Когда мысль правительства о упразднении крепостного права распространилась между не приготовленными к ней крестьянами, возникали было частные недоразумения. Некоторые думали о свободе и забывали об обязанностях. Но *общий здравый смысл* не поколебался в том убеждении, что и по естественному рассуждению свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей, и по закону христианскому всякая душа должна повиноваться властям предержащим (*Рим*. XIII, 1)...»

[87] И. С. Аксаков с И. Ф. Тютчевым напечатали было эту эпиграмму в изд. 1868 г., но, проявив на этот раз необычную для себя внимательность к произведениям своей Музы, автор потребовал срочно вырезать в тираже именно это стихотворение: ведь в отношении Г. С. Строганова получалось уже прямо-таки обвинение. Стихи были впервые напечатаны только в изд. 1900 г., с. 278.

[88] Чувствуется, что в *Манифесте* здравый смысл под видом утверждения *рекомендуется* русскому народу. В своем монологе Чацкий («Горе от ума», конец 3-го акта) поминает «умный, бодрый наш народ», но там это не звучит как попытка лестью побудить народ к дальнейшему смирению.

Слова «полагаемся и на *здравый смысл Нашего народа*» Тютчевым переданы были по-французски так: «Nous nous reposons ainsi avec confiance sur *le sens droit de la nation* (курсив мой. — *А.Г.*)». Не эти ли ставшие знаменитыми слова имеет в виду Тютчев в своей эпиграмме на старого сановника? Запомнили же их и те, кто не занимался их переводом! В дни первого ознакомления людей с *Манифестом* Погодин рассуждал об опасениях, которые оказались неоправданными; подтверждалось как будто бы то, что в *Манифесте* названо «здравым смыслом народа»: в день великого праздника явились не беспорядки, а благообразная и умеренная всенародная радость. Даже осенью 1861 г. Валуев в упомянутой уже *Записке* писал: «Нельзя также не отдать должной справедливости *здравому смыслу народа* (курсив мой. — *А.Г.*), во многих случаях предохранявшему его от влияния неблагоразумных толков и злонамеренных внушений... »[89]. Более того: много позже, 19 февраля 1870 г. в «Московских ведомостях» (№ 40, февр. 19. С. 2) помещена статья М. Н. Каткова, в названии которой стоит: «Гражданский подвиг русских дворян и здравый смысл русского народа (По поводу 9-летней годовщины 19 февраля)» и т. д. — примеры нетрудно было бы умножить. Очевидно, что фразу о «здравом смысле русского народа» современники приметили и запомнили надолго, притом это были как раз люди, которые участвовали в идеологическом освещении тогдашней русской жизни.

Если признаем в эпиграмме Тютчева наличие этой аллюзии, становится ясно, что в его эпиграмме в адрес Строганова содержится — в косвенной форме — насмешка над риторикой Крестьянской реформы 1861 г., в которой и сам поэт принял некоторое участие. В тон славянофилу Погодину Тютчев старался создать в политической перспективе глубокое освещение Реформы, что и нашло свое выражение в четверостишии Александру Второму. Славянофилы одно время становились всё ближе Тютчеву; помимо высоких политических и метафизических соображений тесное личное общение с московскими славянофилами привело к тому, что за бывшими на выданье дочерьми Федора Ивановича как раз в пору работы над решением крестьянского вопроса ухаживали И. Аксаков и Ю. Самарин; рядом с ними в конце 1850-х гг. в доме Тютчевых появились и И. С. Тургенев с Л. Н. Толстым.

Острый интерес Толстого к крестьянской теме виден по той роли, какую позже, в «Анне Карениной», этот вопрос будет играть в жизни Константина Лёвина. Как известно, Ки(т)ти Щербацкая в романе Толстого[90] получила

[89] Записка Валуева. С. 68. (см. сн. 60).

[90] Представляется правдоподобным предположение С. А. Экштута о Ф. И. Тютчеве как о прообразе дипломата Билибина в «Войне и мире» (имя мог дать известный дипломат В. П. Балабин). Соприкосновения между персонажами и знакомыми людьми и семействами нужно, как пояснял заинтригованным окружающим сам Л. Толстой, понимать не как ключ к бытовой реальности, а как творческую амальгаму, составленную из множества впечатлений, которые для современников представляли преимущественно светский интерес и в которых искусно разбирались такие много знавшие о жизни и творчестве Л. Н. Толстого люди, как С. Л. Толстой (последний сопоставлял с Тютчевым совсем

свое имя от Прасковьи Щербатовой, которая впоследствии в качестве графини Уваровой продолжала дело своего мужа, участвовала в строительстве Исторического музея в Москве и пр. Это, мне кажется, не исключает того, что в романе семейство Щербацких со старым князем и его дочками Долли и Кит(т)и отразило некоторые черты семейства Тютчевых. Не можем не привести здесь такое наблюдение: светский, добродушно-проницательный и неотступно остроумный старый князь (на него, по Толстому, «зовут в гости, как на стерлядь»), отдаленно, зато и тонко напоминает Ф. И. Тютчева, в котором Толстой чтил не только своего любимого поэта, но и сына Екатерины Львовны Толстой, а своего родственника. На выданье в конце 1850-х были Анна, Дарья и Екатерина — дочери от первого тютчевского брака. Поэтому хоть писатель лет пятнадцать спустя и позаимствовал из прошлого Щербатовых фамилию невесты и, может быть, полученный им в ту пору отказ, все-таки видно, что Толстого сильно занимали не только имена, но и судьбы тютчевских дочерей, в особенности Кити, к которой он долго присматривался, как об этом свидетельствует ряд записей в его дневнике[91]; даже много позже Толстой, еще не отставший от светских привычек, написал шарж на славянофильский брак Анны Федоровны с И. С. Аксаковым (1866): они, верно, венчались то ли в скиту, то ли в Царьграде, а клялись друг другу на томе Хомякова... Для нас здесь существенно и то, что дом у Армянской церкви на Невском проспекте со второй половины 1850-х гг. стал местом, где вопросы крестьянской реформы Тютчев обсуждал с весьма примечательными людьми, к которым присоединялись и его сотрудники по Цензурному комитету.

Понятно, сколь различны были мнения людей, занятых реформой или волей-неволей в ней участвующих, и неудивительно, что поэт, притязавший на роль то политического визионера, то доктринера, человека, мыслящего политически, о русских крестьянах думал то так, то иначе, а на русский народ смотрел то неким мифопоэтическим, то вполне бытовым образом. К Александру II Тютчев относился как подобало монархисту, всегда памятуя о том, что учителем царя был Жуковский, которому юношу Тютчева представили когда-то в Кремле под колокольный звон, возвещавший о рождении Александра Николаевича. Теперь старшие дочери Тютчева играли заметную роль при дворе,

эпизодического Арсения Львова из «Анны Карениной»). На деле интересно понять, какие фрагменты реальности претворены художником в его творении: в центре интереса здесь психология творчества и эстетика преломления жизни в искусстве.

[91] См. цитаты из дневника Толстого (за 1858 г.) в кн.: *Шкловский В.* Лев Толстой. М., 1963. С. 282–283): «Тютчева (Екат. Федор., или Кити. — *А.Г.*) занимает меня неотступно», «...она старательно-холодно приняла меня» и т. п. Екатерина Федоровна Тютчева (1835–1882) жила в основном у своей тетушки Дарьи Ивановны Сушковой в Москве, принимала Победоносцева и т. д. Со временем она перевела на английский язык сборник речей митрополита Филарета: Select Sermons by the late Metropolitan of Moscow Philaret (London, 1873); ее «Рассказы из священной истории Ветхого и Нового завета» (М., 1884) были изданы уже посмертно.

сочетая службу во дворце у различных представителей царствующего семейства с попытками проводить там влияние своего отца. В итоге верный взгляд на роль Тютчева при дворе выразил И. С. Аксаков: «Трудно представить себе придворного менее придворного, чем был Тютчев»[92]. Однако тоньше о стиле поведения Тютчева близ источников власти высказался дипломат Иван Гагарин, когда-то сыгравший ключевую роль в появлении стихов Тютчева в пушкинском «Современнике»: Тютчев, по Гагарину, «избегал говорить что-нибудь такое, что могло повредить ему в высшем кругу и развивал преимущественно такие идеи, которые обладали свойством нравиться»; при этом — продолжает Гагарин — поэт «не насиловал в себе никаких убеждений»[93]. Лучше, пожалуй, сказать, что поэт не столько желал понравиться, сколько стремился к тому, чтобы в политике двора прижились его заветные политические представления, а Государь им следовал[94].

Несмотря на (оправданный с разных сторон) дефицит общественных симпатий к В. П. Мещерскому как издателю «Гражданина», охранителю и пр., следует признать, что взгляды Тютчева в крестьянском вопросе (а значит, и в разобранном выше стихотворном обращении поэта к царю по поводу 19 февраля) крайний монархист формулирует точно: «В освобождении крестьян он воспевал освободившего их, но в этой песне слышалось вдохновение тем, что восхищало его душу: сочетание духа свободы с духом царства». Правда, такое красивее выходит на бумаге, чем в жизни, и не зря Тютчев, живя в мире представлений то консервативного, то либерального толка, не принадлежал последовательно ни к одной партии[95]. В нем уживалось разное, но постоянно оставаться рядом с кем бы то ни было в зыбком пространстве духа ему было невозможно, даже если бы вдруг захотелось этого. Изменчивость и пластичность поэта лишь оттеняется его почти детской искренностью, так что стоит поверить ему, когда он над собой же шутит: «Que voulez-vous, je ne suis jamais de mon avis» — «Да что говорить! я своего же мнения не разделяю»[96].

[92] *Аксаков И. С.* Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк. М., 1874. Кол. 323 (первая обработка аксаковской биографии Тютчева).

[93] Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 54.

[94] Старательно взвешенную и четкую оценку позиции, занятой Тютчевым по отношению к правительству еще в 1840-е гг., дает работа: К. М. Азадовский, А. Л. Осповат. 'Тютчев в дневнике А. И. Тургенева' // Лит. насл. Т. 97. Кн. 2. С. 63 слл., особ. с. 69. Опираясь на отклики старших современников поэта — А. И. Тургенева и П. А. Вяземского, наши современники честно разбирают «грань между частным лицом, выступающим в печати с изложением своих взглядов, и добровольным советником правительства» (когда речь идет уже о *выгодах* для договорившихся сторон).

[95] Поучительный анализ соотношения партий см.: *Твардовская В. А.* Тютчев в общественной борьбе пореформенной России (http://www. tyutchev.ru / t11.html).

[96] Любопытно высказывание о Тютчеве сметливого графа С. Д. Шереметева (указ. соч. Т. 1. С. 162): «Он (Ф. И. Тютчев. — *А.Г.*) пленяет, но удовлетворить не может».

Мудрено ли, что поэт то сомневается в осуществимости крестьянской реформы, то участвует в ней, давая европейскую известность многострадальному тексту *Манифеста*; что он, подбирая для освобождения русских крестьян от крепостной зависимости вдохновляющее историко-символическое освещение, слагает религиозно-политический мадригал царю с акростихом, выражающим совершенную лояльность; что вслед за этим он напряженно следит за трудностью проведения реформы в жизнь и за болезнями роста, но, конечно, не прочь подвергнуть любую часть этого опыта своей вездесущей иронии? В одном не стоит сомневаться — поэт всякий раз делает это от души: иной раз непоследовательно и всегда умно.

References

Aksakov I.S. Fedor Ivanovič Tyutcheff. Biografičeskij očerk. M., 1874.

Barsukov N. Žizn' i trudy M.P. Pogodina. SPb., 1888. Kn. 18.

Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennih del. M., 1961. T. 1.

Èkštut S.A. Tyutcheff. Tajnyj sovetnik i kamerger. M., 2011.

Feoktistov E.M. Vospominaniâ. Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896. M., 1991.

Filaret, mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. Slova i reči. M., 1885. T. V.

Gavrilov A.K. Videnie Tyutcheva: istoriâ žanrovogo pereosmysleniâ // Žanr i kompoziciâ literaturnogo proizvedeniâ. Petrozavodsk, 1989.

Kakoj ishod dlâ Rossii iz nynešnego eâ položeniâ? A. Košeleva. Lejpcig, 1862.

Katkov M.N. Dva otzyva o russkom narode // Imperiâ i kramola. M., 2007.

Košelev A.I. Zapiski Aleksandra Ivanoviča Košeleva (1812–1883 gody). M., 2002.

Krest'ânskoe dviženie v Rossii v 1857–1861 g. posle otmeny krepostnogo prava v 1861 g. Sbornik dokumentov. M.–L., 1949.

Mešerskij V.P. Moi vospominaniâ. M., 2003.

Mihnevič A.P. Polveka nazad. 19 fevralâ 1861 g. Osvoboždenie krest'ân. SPb., 1911.

Nikitenko A.V. Moâ povest' o samom sebe i o tom, čemu svidetelem v žizni byl. Zapiski i dnevnik (1804–1877). SPb., 1905. T. 1–2.

Ospovat A.L. Novonajdennyj memorandum Tûtčeva. K istorii sozdaniâ // Novoe literaturnoe obozrenie. 1992. № 1.

Perepiska Petra i Aleksandra Kropotkinyh. M.–L., 1932. T. 1.

Šklovskij V. Lev Tolstoj. M., 1963.

Tatiŝev S.S. Imperator Aleksandr Vtoroj: ego žizn' i carstvovanie. Kn. 1–2. M., 1996; 2009.

Tyutcheff F.I. Polnoe sobranie sočinenij i pis'ma v šesti tomah. M., 2002–2004.

Tyutcheff F.I. Stihotvoreniâ. Pis'ma. M., 1957.

Tyutcheva A.F. Pri dvore dvuh imperatorov. Vospominaniâ — dnevnik / Per. E.V. Ger'e, vstupit. stat'â i prim. S.V. Bahrušina. M., 1928.

Zajončkovskij P.A. Otmena krepostnogo prava v Rossii. M., 1968.